

Е.Сабуров

Образование и ноосферная экономика

Претензии и опасности

Дата публикации: **10 Февраля 2003**

 [получить по E-mail](#)

 [версия для печати](#)

Общим местом для всех и всегда являются претензии к существующей системе образования. Нет страны и нет времени, которые бы характеризовались благостным отношением к этому вопросу. Более того, не менее общим местом становится напоминание о том, что любое общество всегда недовольно своим образованием. В чем причина такого положения? На наш взгляд, их много - и весьма разных. Попробуем вычленить хотя бы основные.

Сегодня недовольство образованием принято объяснять его неприспособленностью к жизни в условиях новой экономики. При этом новой экономикой становится принято называть экономику, базирующуюся на использовании интеллектуального ресурса, то есть хозяйствование в ноосфере. Полностью солидаризуясь с этим утверждением, я хотел бы более подробно разобрать проблему, но, прежде всего, убрать из рассуждений те фантомы, которые к этой проблеме не относятся.

Во-первых, большинство людей считает, что они могли бы добиться больших успехов в жизни, чем добились. Поскольку лишь немногие склонны винить в своих неудачах свои личные качества, то в качестве виновников наряду с "обществом", "семьей" и "чужаками" всегда называется "образование". Зачастую, это делается не явно, но через недовольство образованием своих детей, на которых человек склонен делать ставку в стратегии собственной "замещенной реализации". Тут ничего не поделаешь. Эта причина была, есть и будет. Ни экономисты, ни педагоги изменить данное положение не могут. Удастся ли это психоаналитикам? Позволю себе усомниться.

Второй, не менее фундаментальной причиной недовольства является ставшая господствующей с XVIII века "религия прогресса". Мы в глубине души подозреваем, что стабильность - это провал, а удовлетворение приносит нам процесс развития. Начиная с того же самого XVIII века основным двигателем развития мы считаем просвещение, что бы под этим словом ни подразумевалось. Здесь уместно заметить, что пока речь идет о верованиях - а эти представления относятся к разряду верований, - конструктивных путей решения здесь не найти. Однако, в отличие от причины, указанной первой, данная причина уже может быть трансформирована в более осознанный "вызов".

Третья причина претензий к системе образования таится в безответственности общества. Специализация является не только благом для человечества. Она несет в себе и негативное содержание. Выделив в процессе разделения труда педагогов и других работников системы образования, общество решило, что может самоустраниться от проблемы, свалив ее решение на профессионалов. Слава Богу, давно выяснилось, что война слишком серьезное дело, чтобы поручать ее генералам. Теперь в документах Европейского Союза уже содержится утверждение, что и за образование не может отвечать "система образования". Это ответственность общества. Однако одно дело продекларировать, а другое - ввести в практику.

Вот за эту третью причину стоит ухватиться. Можно ли ее устранить? Иными словами, может ли общество не только сформулировать свои требования к образованию, что весьма и весьма трудно, но и обеспечить удовлетворение этих требований путем постоянного курирования психолого-педагогического сообщества? В чем должно состоять это курирование?

Ясно, что вторжение в профессиональную сферу опасно. Особенно неприятно такое вторжение со стороны лоббирующих групп, преследующих свои интересы. Попытки - и не безуспешные - такого вторжения мы наблюдаем сегодня в России со стороны администраторов русской православной церкви. Звучат призывы ввести в школы нечто вроде предмета "Закон Божий", а в качестве преподавателей этого предмета использовать священнослужителей РПЦ. Последствия такого шага были бы ужасны. Разделение детей на "своих" и "чужих" по религиозному признаку способно поставить жирный крест на развитии России и принести неисчислимые бедствия каждому без исключения ее жителю. Это вопиющий пример безответственного лоббирования под флагом ответственности общества за так называемую "духовность" подрастающего поколения. Однако и более "мягкие" примеры должны вызывать подозрения. В ходе институционального анализа давно показано, что лоббирование весьма часто приводит не к развитию, а к консервации негативных качеств. Борьба различных групп ученых за "часы" по их науке (предмету) в школьных и вузовских программах далеко не безобидна. Опасность выражения воли общества посредством лоббирования групповых интересов - это первая опасность на этом пути. Она неустранима, а потому требует постоянного внимания.

Второй опасностью, которая должна порождать тревогу, является жажда планирования. Само по себе краткосрочное планирование на микроуровне, например на уровне фирмы, - нормальная тактика. Однако уже стратегическое планирование на уровне крупной корпорации способно принести большие беды, тем более суровые, чем более детализировано это планирование. Планирование в образовании в силу специфики отрасли всегда долгосрочное, всегда масштабно-государственное и всегда детализировано, то есть это такой вид планирования, который отбросил ряд стран, в том числе и нашу, на обочину мирового развития. Конечно, вряд ли сегодня возможен рецидив планирования через "баланс молодежи". Напомню, что в СССР регионы и министерства в качестве представителей общества формировали заказ системе образования в виде заявок на такие-то количества рабочих-строителей, инженеров ВПК и литературоведов-марксистов через 10 и через 20 лет. С привязкой к областям, краям и республикам. Это служило основанием для расширения системы ПТУ, обоснованием закрытия, открытия и перепрофилирования ВУЗов и т.д. и т.п. Это уже, слава Богу, невозможно, но желание планировать остается. Это страсть, вызывающая административный зуд. Прогнозирование в виде гадания на научно-техническом прогрессе как современной замене кофейной гущи - это то же самое планирование, только взявшее себе более приличный псевдоним. Принимая на себя ответственность за образование, формируя свои требования к нему, общество не должно быть столь бездарно самонадеянно, чтобы определять и калечить жизнь собственных детей планированием их будущего. Если мы говорим о проблеме столь масштабной и долгосрочной, как образование, то любой намек на детализацию должен выявляться и вытравливаться.

В роли третьей опасности, которая подстерегает общество на любом пути осознания ответственности за образование, выступает требование адаптации ребенка. К чему? Существует вполне законное желание социализировать детей, ввести их в круг себе подобных, сделать возможными коммуникации между ними, а также между ними и нами. Но на практике социализация тут же подменяется адаптацией. От ребенка требуют не понимания "другого", не толерантности и способности к коммуникативному действию, а

подчинения правилам, по которым живем мы здесь и сейчас. Эти правила объявляются "правильными" и незыблемыми. Сетуя на "неправильное" поведение молодежи, общество перекрывает молодежи путь к развитию и успеху, желая только, чтобы дети были удобными и не мешали нам доживать оставшиеся годы. Требование адаптации вытекает из неистребимого человеческого эгоизма и самовлюбленности, которые трагически соединены в нас с неудовлетворенностью собой, а потому принимает самые уродливые формы нарушения прав детей. Следует также заметить здесь, что опасность эта грозит не только самому ребенку, которому калечат жизнь, но и обществу в целом, застывающему в своем развитии.

Я не льщу себя надеждой, что моя собственная психика идеально свободна от фантомных причин, порождающих претензии к образованию, и застрахована от всех опасностей. Во всяком случае, я понимаю, что сам не очень доволен собой, что предъявляю завышенные требования к своим детям и их образованию, что хочу "скачка" вперед экономики России, что зачастую "срываюсь", наблюдая, что творится в психолого-педагогическом сообществе. Кроме того, как экономист я недоволен оснащением учащихся для жизни в рыночной среде, и в моих предложениях всегда будет элемент лоббирования, в этом смысле. Как прогнозист, я безусловно в своих рассуждениях учитываю свое представление о будущем, а это есть элемент планирования. Как человек пожилой, да еще и убежденный в правильности модернистского взгляда на мир, я, конечно же, недостаточно отфильтровываю адаптивные мотивы в своих представлениях о необходимой трансформации образования. Это так. От этого уйти невозможно. Но мне представляется полезным, прежде чем перейти к утверждению о кризисе образования, хотя бы осознать побудительные причины своего внимания к проблеме, а так же те опасности, к которым хотелось бы быть готовым, если уж избежать их нет возможности.

Вот теперь я могу присоединиться к общему мнению о том, что кризис образовательной практики есть. Кроме того, по-моему, этот кризис не является локальным российским кризисом и, что не менее важно, он не является только кризисом образования.

Не только российский кризис

Далеко зашедший кризис любой практики выражается, как правило, в кризисе теории, оправдывающей эту практику. Долгое и плодотворное господство теории человеческого капитала ныне пошатнулось и грозит рухнуть, если уже не рухнуло.

Теория человеческого капитала основана на глубоких и общепринятых основаниях, фактически заложенных в общественную жизнь еще Веком Просвещения. Ее позднее появление в середине XX века не должно нас смущать, так как отцы-основатели теории человеческого капитала сконцентрировали и сформулировали применительно к образованию идеи Сэя и других ранних классиков. Можно сказать, что уже Ян Амос Коменский в своей революционной деятельности исходил из тех же представлений об образовании, хотя некоторые из его интуиций и выходят за рамки теории человеческого капитала.

Утверждается, что наряду с природным и физическим капиталом существует человеческий капитал, функционирование которого подчиняется обычным законам, характерным для любого вида капитала. Этот капитал необходим для успешной жизни человека и общества в целом во внешнем мире. Капитал "овеществляется" в виде знаний, умений и навыков. Образование является формой накопления человеческого капитала и может рассматриваться как инвестирование. Далее теория человеческого капитала предлагает различные методики оценки эффективности вложений в образование. Этим

методикам нельзя отказать ни в теоретической остроумии, ни в практической полезности. К заслугам теории человеческого капитала относятся, на наш взгляд, подход к оценке эффективности через оценку доходов групп с различным уровнем образования и дисконтированных затрат с учетом отложенной прибыли; вычленения "внешнего" (для общества в целом) и "внутреннего" (для обучаемого человека) эффектов; создание практических методик помощи развивающимся странам в плане "модернизации через образование" и другие достижения.

Теория человеческого капитала рассматривает образование, как передачу информации, багажа знаний. В области педагогических технологий она ставит следующие основные вопросы: как передавать информацию наиболее эффективно и какую информацию нужно передавать для использования в дальнейшей жизни. К передаваемой информации, естественно, относятся и ценности и цели современного общества.

Почему же мы сегодня говорим о кризисе образовательной практики, целиком базирующейся на столь удачной и глубоко приемлемой для нас теории? Ведь эта теория, в свою очередь, базируется на верованиях и идеологемах, принятых обществом еще в Век Просвещения и сегодня неистребимых в нашем сознании.

Кризис разразился чисто практический. Во-первых, объемы информации, потребные для дальнейшей жизни, переросли возможности их усвоения человеком. Здесь кризис в значительной степени был спровоцирован лозунгом "общества разных возможностей". Базовое образование оказалось либо неподъемным, либо не достаточным для обеспечения возможности дальнейшего наращивания человеческого капитала. Кроме того, все более углубляющаяся специализация в обществе, казалось, требовала все большего спектра знаний для дальнейшего рационального выбора. И наконец, динамика общественного развития создала ситуацию, когда на протяжении одной человеческой жизни стало необходимым менять профессию.

Выходы из кризиса виделись в растяжке образовательного периода. Однако при этом росли затраты и падала эффективность. Согласно расчетам теории человеческого капитала, об эффективности таких ступеней образования, как магистратура и докторантура, говорить вообще сомнительно. Такие предложения, как "непрерывное образование" или "образование в течение всей жизни", парадоксально подрывают саму основу теории человеческого капитала, так как относят период отдачи от инвестиций на время после смерти человека. Более приемлемой с точки зрения классической теории стала ранняя специализация обучаемых, но ей противоречит современная общественная жизнь с ее постоянным требованием изменений в профессиональной ориентации.

Во-вторых, чисто практический кризис состоял в обесценении информации вообще. Затраты на ее усвоение оказались зряшными. Если на протяжении последних трех веков именно информация являлась дефицитным ресурсом, обладание которым обеспечивало благосостояние в дальнейшей жизни, то теперь информация стала легкодоступной и избыточной, то есть данный ресурс качественно подешевел. Особенно это коснулось сведений, преподаваемых в так называемом естественнонаучном цикле. Преподавание "основ наук" в массовом порядке не имело целью массовое производство нобелевских лауреатов. Речь шла о подготовке технологов, которые зачастую назывались учеными, но были технологами узких профессий, обладающими большими объемами информации.

Именно обесценение этой информации оказалось особенно болезненным. В нашей стране эта сторона кризиса усугубилась рядом специфических причин. Удешевление информации, благодаря ее легкодоступности, связано с ослаблением пограничных

барьеров между государствами, глобализацией мирового хозяйства, разукрупнением производств и, в конечном счете, созданием единого информационного пространства. Кроме того, окончательный перенос инновационного бизнеса из сферы государственной экономики и крупных корпораций в малый и средний бизнес обострил конкуренцию на этом рынке и существенно интенсифицировал процесс смены технологий. Этот процесс шел в мировой экономике и политике более-менее равномерно с конца Второй мировой войны. На Россию же он обрушился внезапно в первой половине 90-х годов. Открытие границ, отсутствие военного заказа, приток товаров, произведенных по массовым новым технологиям, привели к почти мгновенной потере престижа инженерно-технологических профессий.

В происшедшем трудно винить российское образование. Оно было подготовлено, налажено и успешно действовало в индустриальном обществе. Некоторая растерянность российского образования объясняется быстротой перехода к новому обществу, неподготовленностью к такому переходу общества в целом.

Однако ясно, что сами кризисные явления и их причины не являются специфически российскими. Теория человеческого капитала подвергалась критике не в России. Что же было предложено взамен теории человеческого капитала?

Было предложено подвергнуть ревизии точку приложения знаменитого модернистского "взгляда". Если в теории человеческого капитала "взгляд" на проблему идет со стороны обучаемого, со стороны будущего или действующего работника, то есть со стороны предложения на рынке труда, то новая теория кинула "взгляд" со стороны работодателя, нанимателя, то есть со стороны спроса.

Впрочем, новую теорию еще трудно назвать теорией по настоящему. Пока еще это только предложение о "взгляде". Тем не менее, некоторые важные слова уже сказаны. Для работодателя, в случае найма, и особенно - найма работников более-менее массовых профессий, - сертификат об образовании (диплом, аттестат и т.п.) является не более чем сигналом. О чем? Специфическая работа, которую придется делать нанятому, не аналогична его прежней работе и не полностью соответствует его навыкам. Это правило в современной экономике. Способен ли нанятый быстро освоить свой урок? Образовательный сертификат сигнализирует о такой способности.

Теория сигнала подверглась мгновенной радикализации. Речь зашла об оценке сигнала. Было произнесено слово "креденциализм". На языке образования это "вера в корочки" (диплом, аттестат и т.п.). Таким образом, осмысление места и роли образования привело к центральному для современной экономики понятию "доверие".

Не только кризис образования

Вопрос о доверии далеко не праздный и относится сегодня не столько к сентиментальному восприятию так называемой "нравственности" или же, прости Господи, "духовности", но к реальной и даже меркантильной действительности. Ведь если уж отдавать себе полный отчет в финансовой или вообще экономической игре, то деньги сегодня являются измерителем доверия и основанием своим имеют не золотой запас или материальный активы или силу власти, но именно доверие. Поэтому все они от М6 и вплоть до М0 колеблются и трепещут в зависимости от слухов, неосторожных высказываний и, что не так уж редко, к сожалению, от сознательного подрыва доверия.

Человек всегда зависел от природы. Он боролся с ней, использовал ее и теперь, когда она стала значительно менее опасна и влиятельна, решил, что с ней можно дружить. Главное и основное отличие наших дней от прошлого состоит в том, что большой успех, большие деньги, в конце концов, зарабатываются не в результате эффективного взаимодействия с природой, но от эффективного взаимодействия с людьми.

Если раньше понятие "другой", "чужой", "ты" в противоположность "я" были предметом анализа богословов, философов и философствующих прозаиков, а предметом анализа реально действующих людей была природа, то теперь ситуация стала кардинально иной. Коммуникативное действие из рассуждений Хабермаса переселилось на фондовую биржу. Языковая игра организует финансовое пространство. Лингвистика с ее структуриализмом и неоструктуриализмом лучше описывает современную экономику, чем физика или химия.

Новая экономика, то есть экономика интеллектуальной игры, победоносно расширяет пространство своего владычества. Она требует своего общества, и она его формирует. Сырьевую экономику, которая господствует в нашей стране - к большому нашему неудовольствию, можно назвать геосферной экономикой. Так же понятно представление о биосферной и техносферной экономиках. Однако новая экономика основным полем своего действия имеет другую сферу. С полным правом ее можно назвать ноосферной экономикой. Но она требует и своего образования, а здесь возникают препятствия.

Кризис образования - не центральный, самодостаточный, самопорожденный кризис. Не проблемы образования породили этот кризис. Образование лишь эпицентр кризиса. А центр - это кризис культуры в целом. Возникает новое общество. Его не удовлетворяет старое образование с его информационно-инвестиционной технологией.

Первая, самая естественная, но и самая опасная реакция от неудовлетворенности чем-то - это отрицание необходимости этого "чего-то". Так произошло в России в первой половине 90-х годов. Люди с "плохим" образованием добивались большего успеха, чем люди с "хорошим" образованием. Делался вывод: значит, образование для успеха не нужно. Сейчас пришло понимание, что решать эту задачу надо вовсе не так. Увеличилось число студентов, возросли конкурсы. Что-то есть в образовании такое, что требуется ноосферной экономике. Но что-то другое, чем раньше.

Это "что-то" нельзя понять, говоря только об образовании. Если наш "взгляд" теперь направлен на проблему со стороны спроса, то следует разобраться, на что же есть спрос.

Во-первых, в современном бизнесе изменилось понятие хронотопа. Если раньше время жизни фирмы исчислялось чередой человеческих жизней, если раньше поколение за поколением сменялось на одной и той же фирме, то теперь реальная жизнь фирмы значительно короче человеческой жизни. Банкротства, смена собственника, продукции и технологии, а значит, массовые увольнения, - стали повседневной практикой. Задача "зарабатывать деньги" локализовалась во времени. Локализовался успех. Рынок труда приобрел психологические черты фондового рынка. Зарабатывать деньги, выбрав раз и навсегда жизненный путь и приобретя для этого технологические навыки, уже невозможно. Надо вычленять из континуума отрезок, ставить задачу, решать ее и переходить к следующей. Одна партия сменяет другую за игровым столом.

Пространство также подвергалось изменениям. Привязанность к "родному пепелищу" может привести к нищете. Мобильность является необходимым требованием успеха. Падение государственных границ последовало за десакрализацией этнической и даже национальной принадлежности. Если раньше мир крестьянина был бесконечен и

предполагал существование других точек пространства в "ином мире", а мир гражданина был частью национальной культуры, также предполагавшейся самодостаточной, а значит - бесконечной, то глобализация и мобильность привели к парадоксальному результату. Пространство каждый раз локализуется в соответствии с условиями поставленной задачи. Революция "евро" преследует целью не оставление населения в месте проживания, но обеспечение похожих правил игры при смене игровых столов. Социология пространства стала одним из подходов к философии денег. Что такое оффшоры? Как они мыслятся человеком современного бизнеса? Это подчинение географии поставленной задаче. Задача организует пространство.

Кардинальное изменение состоит в том, что не время и не пространство определяют деятельность, но наоборот, деятельность локализует, вычленяет, ставит задачу и организует пространственно-временное поле для решения этой задачи. Сегодня в пору не литературоведу исследовать хронотоп "Миллиона" Марко Поло, а экономисту анализировать хронотоп миллиардера Дж. Сороса. Таким образом, ноосфера приобрела черты, ранее присущие гео-, био- и техносферам. Она стала рабочим полем, на котором возможно совершать вполне законные производственные манипуляции. Хронотоп ноосферы не является воображаемым, виртуальным. Этот термин не представляется нам удачным. Это вполне реальный хронотоп с точки зрения экономики. Характеристика организации ноосферного хронотопа как сетевой также, на наш взгляд, не очень верна. Сеть пассивна, а в хронотопе ноосферной экономики действуют активные игроки. Это во-первых.

А во-вторых, кто же садится с нами за игровой стол? Это уже не бог-природа Эйнштейна, у которого нет своей стратегии игры, которой не поставит ножку и не поменяет вдруг поведения. Это "другой". Это такой же человек, как я, но другой. Он тоже хочет выиграть. Его можно обмануть, но и он может обмануть. Эйнштейновского бога не обманешь, но и он не обманывает. Чем больше ты имеешь информации о нем, тем гарантированнее успех. И никакой психологии не надо, и проникновения в его культуру не надо. Нужны физика, химия, география и т.п. В сегодняшней игре сведения естественнонаучного цикла требуются разве что для справок, скорее имеет смысл знать, где их отыскать в случае необходимости.

Весьма характерным является возвращение в экономику человека. Для сегодняшней экономической науки уже привычными становятся такие термины, как актер и актриса. А ведь еще недавно мы говорили о "невидимой руке рынка", которая, родившись как удачная метафора, превратилась в аналога эйнштейновского бога, действующего в экономической среде. Теперь мы говорим о волевом интеллектуальном акте, с помощью которого актер-игрок создает новые институты, наращивает организационный капитал, ниспровергает неэффективное. Так же мы говорим не о причинно-следственных связях, но о "системах правил игры" и ролях, которые разыгрывают актеры-игроки.

Ноосфера, сфера новой интеллектуальной экономики, оказалась не совсем такой, какой представлял ее себе Вернадский. Не освоение, не овладение нового поля стало вождельным, но выигрыш. Это отнюдь не обязательно антагонистические игры. Очень часто, если один игрок выигрывает, то второй не проигрывает столько же. В целом получается, что выигрывают от ноосферной экономики все или почти все. Кооперация стала основой деятельности. Даже государства, эти странноватые рудименты, уже не зарятся на территории друг друга. Они скорее хотят влияния и партнерства, ради опять же решения конкретных задач. Настоящие войны, целью которых было бесконечное владычество, уступили место селедочным "войнам" или "войнам" автомобильных дилеров, в которых и не поймешь, при чем тут те или иные государства. И ведутся эти

"войны" за игровым переговорным столом. И говорят здесь об интересах и делают ходы. Совершают коммуникативные действия и ищут консенсуса. Сплошная языковая игра.

Итак, ограничения вместо бесконечности, то есть постановка задачи вместо познания, итак, доверие вместо насилия, то есть компетентность вместо навыков.

Что же умеет делать homo ludens лучше, чем homo sapiens или homo faber? Он умеет играть.

На пороге или за порогом?

Применительно к образованию задачи следует ставить обычным образом. Что обеспечивает дальнейший успех конкретного обучающегося? Ничего. Гарантий успеха образование не давало и не дает. Что способствует успеху? Какое оснащение полезно тому, кто стремится к успеху? Как подтолкнуть человека к тому, чтобы он напряженно искал успех?

Прежде всего, человеку, видимо, надо показать, что такое успех. Надо, чтобы он ощутил успех. Для этого необходимо локализовать задание и указать четкие критерии успеха. Одобрение учителя по поводу правильности усвоения информации не годится. Нужна игра, в которой есть выигрыш. Тесты годятся. Но еще лучше, когда есть соревновательность. Нервная нагрузка возрастает, но и радость от успеха несравнимо выше радости узнавания.

Во-вторых, у человека должна быть жажда компетенции. Эта жажда может вытекать только из жажды успеха в игре. Компетенция не обладание информацией, но умение построить аргументацию. Для этого нужно уметь добывать нужную информацию в общем информационном поле и оценивать ее значимость для достижения успеха. Базовые компетенции, обеспечивающие "равные возможности" для успеха в жизни, достигаются разнообразием образовательных игр.

В-третьих, необходимо научиться читать тексты. Высказывание в порядке коммуникативного действия может способствовать достижению консенсуса, а значит, успеха в бизнесе - только при овладении общим для всех нас языком. Курьезный случай: старшеклассники заявили, что им не нравится Лермонтов, потому что Печорин обидел княжну Мэри. Ясно, что таким людям нельзя доверять составление договоров и даже простые переговоры. Они не умеют читать тексты, не слышат высказываний собеседника и не смогут добиться консенсуса, так как для этого требуется показать три знаменитых качества собственного высказывания: истинность, правдивость и правильность.

Три ключевых слова: успех, компетенция, текст. Осознание их смысла и места в новой экономике позволяют решать обычные образовательные задачи: что прибавить к программе, что подсократить, как подавать материал, как оценивать достижения.

Уже ясно, что чисто информационный материал так называемого естественнонаучного цикла может и должен быть сокращен. Подаваться он должен не в виде последовательного наращивания бесполезных знаний, но в виде локальных игр-задач.

Должен быть расширен гуманитарный цикл. По возможности, из него должна быть убрана телеология, но не в ущерб интриге. Над фактами не надо выстраивать связующие "смыслы". Любовь к текстам и фактам важнее любви к мнениям по их поводу.

Единственный предмет, преподавание которого полностью адекватно требованиям ноосферной экономики, - это математика. Особенно важно сохранение "текстовых задач". В принципе, это единственный способ обучения логике. Их ликвидация нанесет удар не по математике, а по бизнесу.

Никто не оспорит подлинных достижений обаятельной теории человеческого капитала. Нам сегодня важно вспомнить различие внешнего и внутреннего эффекта. Нам - это жителям России.

Если внутренний эффект - это эффект от образования для самого обучающегося, эффект, выражающийся в его личном успехе, то внешний эффект для нас, жителей России, - это преобразование страны, ее успех.

Перед Россией стоит задача импорта институтов. Эту задачу можно понимать очень по-разному, но цель не допускает двойных толкований - процветание. Импорт институтов, как бы его ни понимать, не достигается переписыванием конституций или бюджетных кодексов. Пример Латинской Америки не вдохновляет. Только с помощью образования можно обеспечить подлинный эффективный импорт институтов, так как он никогда не бывал успешным без изменения идеологии и даже глубже - верований.

Здесь уместно сказать несколько слов о технологии перемен.

В образовании необходимо разделять собственно систему образования и то, что находится вне системы, но также имеет образовательный эффект. Образование вне системы - это получение образовательного эффекта за счет других форм, дополнительных, альтернативных или параллельных по отношению к существующей системе. Образование вне системы образования включает в себя, в первую очередь, образовательные проекты, реализуемые общественными организациями, и внесистемную активность со стороны образовательных учреждений (дополнительное образование, различного рода инициативы школ и отдельных учительских коллективов, не входящие в рамки традиционных программ). Можно констатировать, что сегодня внесистемное образование существует как факт и получает все большее развитие. Это ставит вопрос о его роли по отношению к образованию в целом.

Надо заметить, что образование, созданное когда-то Яном Амосом Коменским, было изначально внесистемно. Идея народного просвещения, массового учительства, оснащенного методиками преподавания, взрывало действующую систему. И тем самым - приводило к развитию, к становлению новой системы.

Внесистемное возникает всегда как новация, как решение вновь встающих задач общества, которые система решить не может. Поэтому новации возникают всегда извне. Реформа системы изнутри самой системы невозможна, поскольку система всегда консервативна, ориентирована на собственную стабильность. И это неплохо. Жизнеспособность новаций определяется обществом. Внесистемное - или умирает, или меняет систему. Можно утверждать, что внесистемное образование - механизм развития образовательной практики в России.

Было бы заблуждением отождествлять внесистемное образование с "неформальным". Внесистемное - это также образовательные формы, там есть оформленность. Но они находятся вне имеющихся программ и нормативов, не требуют имеющихся ресурсов, а приносят собственный. Внесистемное - не отдельные предложения энтузиастов и новаторов. Это живые формы, отвечающие значимым общественным задачам. И их

жизнеспособность, так же как жизнеспособность системы, определяется одним: находится ли способ их взаимовключения. Внесистемные формы решают задачи, которые общественно значимы, но не охватываются имеющейся системой образования.

Возникла общественная задача воспитания нового демократического поколения, интеграции России в мировое сообщество, в том числе - в ноосферную экономику. Огромную нагрузку в этом плане взяла на себя [Федерация Интернет-Образования](#) - крупная сетевая общественная организация.

Задача исторической памяти - важнейшая общественная задача, полностью не решаемая в рамках предмета "История" системного образования. И вопрос об учебниках истории бессмысленен в рамках системы, т.к. историческая память не внутриведомственная, а общественная задача. Достойны, на наш взгляд, самого пристального внимания и поощрения формы, выработанные с целью решения этой задачи Международным историко-просветительским и благотворительным обществом "Мемориал".

Проблема окружающей среды, баланса с ней производств и сложившихся способов жизни всегда вневедомственная - и мощное социальное экологическое движение пришло в образование.

Все мы - экономические субъекты. Наша экономика была распределительной, а становится рыночной. КонфОП взяла на себя важную задачу по выработке и обучению потребительской культуре.

Такого рода внесистемные формы в значительной степени очищены от фантомных претензий и опасностей, упомянутых выше, а потому заслуживают самого пристального внимания. Они действительно говорят об "общественном заказе". К их недостаткам следует отнести "узость" тематики. Конечно, они никогда не заменят систему, но они сигнализируют о важнейших проблемах именно массового, а не элитного образования.

Элитное образование, штучное образование, всегда имело большой внешний эффект. Изобретение телевизора принесло радость его создателям, но еще большую радость оно приносит сотням миллионов пенсионеров, живущих перипетиями латино-американских сериалов. Понятно, что деятельность А.Н.Колмогорова чрезвычайно способствовала помягчению, а потом и падению коммунистических застенков. Элитное образование подчиняется несколько иным законам, чем массовое. Оно касается 2-5% обучающихся и противоречит требованиям "равных возможностей". Тем не менее, из-за упомянутого большого внешнего эффекта оно всегда будет сохраняться. Аргументация этого внешнего эффекта, конечно, бывает весьма забавной. Например, в советские времена элитное образование, по убеждению властей, имело целью укрепление военной мощи коммунистов, в то время как оно работало на разрушение режима.

Ноосферная экономика требует акторов. Говорить о победе или даже некотором превалировании ноосферной свободной глобальной экономики еще преждевременно. Однако это - точка роста, область бурного развития. А при тех скоростях, с которыми сегодня идут изменения, можно смело утверждать, что весомые достижения ноосферной экономики, определяющие успех того или иного локального экономического ареала, не за горами. Но для этого успеха акторы необходимы. Это очевидно.

Тем не менее, при всей важности элитного образования для внешнего эффекта в ситуации необходимости импорта институтов массовое образование важнее. Легкомысленные оптимисты склонны переименовывать время попыток импорта институтов в "переходный

период". Надо сказать, что уверенность, что это переход, а не путь в тупик, ничем не оправдана. Только массовое образование может создать основу, базу для перемен. Мало провести разделительную сплошную на дороге, мало сказать, что на нее нельзя заезжать. Надо, чтобы в это поверили все. Тогда следует штрафовать нарушителей. Если же в сплошную разделительную не поверят, то штрафовать будет некого. И некому. И "Скорая помощь" туда не приедет.

Мы вернулись к вопросу о доверии.

И тут я бы отнесся к этому слову с некоторой осторожностью. Отношение между акторами-игроками в ноосферной экономике не должны сводиться к нашему русскому "ты меня уважаешь" и иметь оттенок пьяной сентиментальности. Стремление к успеху и жестокость в бизнесе необходимы для эффективного развития. Речь идет, может быть, не о доверии в бытовом смысле, но о понимании другого, о терпении непривычного и о прозрачности действий, то есть того этического комплекса, который сегодня принято называть толерантностью.

В современной ноосферной экономике толерантность - это инструмент обмена и кооперации. Она не исключает соревновательной жесткости, но требует "честной игры" и взаимоуважения. Приказами и законами этого не добьешься. Нашей общей надеждой, как всегда, остается образование.